

ЭРНСТ БЛОХ: ОПРАВДАНИЕ УТОПИИ

Выдающийся немецкий философ Эрнст Блох (1885—1977) известен прежде всего своим фундаментальным трудом “Философия надежды”, оказавшим значительное влияние на различные области гуманитарного знания. В этой работе была предпринята попытка своеобразной инвентаризации чрезвычайно важной и значимой области человеческого существования — мечтаний и надежд, воплощенных в различных видах утопий. По мнению Блоха, именно этот атрибут человеческого бытия оказался вне поле зрения как истории философии, так и в целом гуманитарного знания. Надежда — это “место в мире, которое обжито, как наилучшая культурная страна и не исследовано, как Антарктика”¹. Соответственно должна измениться и задача философии: “Философия будет обладать совестью завтрашнего дня, партийностью будущего, знанием надежды — или она не будет обладать никаким знанием”². Описание и анализ социальных, технических, географических, архитектурных, эстетических, философских и тому подобных утопий, их воплощения в музыке, живописи, поэзии, архитектуре делают этот труд одним из самых интересных философско-литературных произведений середины XX в. Однако мы хотели бы обратить внимание на один аспект, представляющийся нам едва ли не самым главным в этом труде, да и во всем философском творчестве Эрнста Блоха, — это попытка оправдания утопии и так называемых “дневных мечтаний” исходя не из каких-либо политических или моральных установок, а из определенной онтологической картины мира, общества и человека.

1. “Я есмь” как начало и конец самопознания

Подобно Канту, Блох уже в ранних своих работах ставит экзистенциальные вопросы: прежде всего это так называемый “гештальт неконструируемого вопроса”, всегда существующего, но с великим трудом, вновь и вновь разрешаемого человечеством и отдельным человеком — “Для Чего”? В предисловии к “Принципу надежды”

первые вопросы гласят: “Кто мы? Откуда мы пришли? Куда мы идем? Чего ожидаем мы? Что ожидает нас?”³.

Основной ответ, который задается как система лейтмотивов: “Я есмь. Но я не имею себя. Только поэтому мы становимся”⁴. Эти три предложения в своем противоречивом единстве задают тон и масштаб всего исследования.

“Я есмь” — вот начало и конец индивидуального самопознания и существования. “Я есмь” вначале — это чувство, это брожение, напор, стремление, это Внутреннее, это глаз, не видящий самого себя, это темнота непосредственно проживаемого мгновения, “Я есмь” в конце — это слияние субъекта с объектом, это мир как Родина и Я у себя самого и в мире как в уютном доме⁵. Это состоявшаяся, наконец, встреча с самим собой и с другими индивидами.

“Я есмь” — это не аналогия с классическим декартовским изречением, скорее, это его противоположность. Это упор не на акт мышления (“Я мыслю”), а на некое парадоксальное самоощущение (“Я есмь”) — ведь, с одной стороны, утверждается некое существование, но, с другой стороны, оно тут же корректируется в сторону недостаточности (“Но я не имею себя”). Здесь у Я появляется момент динамичности: ведь “Не-Имение”⁶ Я самого себя связано с неким побуждением.

На первый взгляд кажется, что “Я есмь” означает прежде всего Я, пребывающее в Здесь и Теперь, что вполне согласуется с пафосом декартовского лозунга. Однако акценты расставляются противоположным образом: Я у Декарта связано только с настоящим, с современностью. “Я мыслю” — это означает, что я мыслю только в настоящее мгновение, но нет никаких оснований полагать, что это происходило в прошлом или может произойти в будущем. Блох же, формулируя изначальную антиномию существования Я, пытается выйти за пределы Теперь-Здесь, полагая, что в любом Сегодня уже содержится Завтра. “Я есмь” — да, я утверждаю свое существование, “но я не имею себя” — и это означает, что мое существование как существование характеризуется некоей нехваткой, как существование оно недостаточно и в этой своей недостаточности проективно и направлено в будущее. Наконец, выход из этого продук-

тивно-побуждающего противоречия — “только поэтому мы становимся”.

Отметим, что главная характеристика “Я есмь” — это “темнота проживаемого мгновения”. Эта темнота связана, во-первых, с точечным характером настоящего: ведь бодрое сознание, по Блоху, является таким узким, что в нем едва уместятся два-три отчетливых представления. Однако не это главное. Парадокс Здесь-Теперь заключается в том, во-вторых, что находящееся ближе всего ко мне на самом деле наиболее отдалено от меня. В момент проживания мы слишком близки к самим себе. Сам проживающий (*der Lebende*) и проживаемое им являются настолько непосредственными, что они, по мнению Блоха, не переживаются. Отсутствует дистанция, необходимая для осознания⁷. Блох различает акт самой жизни (*das Leben*, здесь-живание, проживание) и акт переживания (*das Erlebnis*). Когда проживание переходит из настоящего в прошлое, оно интерпретируется, наделяется определенными личностными смыслами и таким образом становится переживанием. Тогда то, что я проживаю в данный момент, отличается от того, что я вспоминаю (сознаю, чувствую, переживаю) впоследствии про это проживание. И это не некое частичное свойство, присущее индивидам в силу определенных возрастных или личностных особенностей, но постоянное свойство всей жизни человека. Итак, жизнь как “живание” отличается от переживания. Отсюда крайне затруднено познание своей собственной жизненности (*Lebendigkeit*), что и фиксируется в образном определении “темнота проживаемого мгновения”.

2. Два полюса “ темноты проживаемого мгновения”

В первой характеристике “Я есмь” — темноте проживаемого мгновения — мы выделили пока лишь одну грань — между настоящим и прошлым, когда проживаемое становится переживанием. Однако, по мнению Блоха, в этой темноте есть и другой полюс, обращенный к будущему и соприкасающийся с ним. Если вспомнить о наличии побуждения (напора, тоски, стремления), то ведь это побуждение именно к тому, чего у нас нет. Завтра — другое,

лучшее, чем Сегодня, — парит впереди. В этом смысле мы непрерывно перешагиваем из Теперь в Потом. Картина актуального сознания по своим границам выглядит уже иначе: с одной стороны, есть сфера забывания — это как бы “вечерние сумерки”, с другой — сфера предвосхищения будущего, как бы “сумерки впереди”, состояние утреннего рассвета, когда предрассветная мгла не позволяет рассмотреть окружающие предметы и то, что впереди, но постепенно рассеивается.

Блох сделал простой ход, который впоследствии считал своим вкладом в современную философию и который оказался эвристически очень плодотворным. Согласно Блоху, бессознательное у Фрейда — это “Уже-Не-Осознаваемое” (Nicht-mehr-Bewusste). Но это лишь одна сторона бессознательного, есть и другая, не менее важная — “Еще-Не-Осознаваемое”(Noch-Nicht-Bewusste)⁸. Вторая сторона не противостоит первой, а дополняет ее. Еще-Не-Осознаваемое является бессознательным как предсознательное, это состояние сознания, в котором вещи, люди, состояния лишь смутно вырисовываются, мерцают, брезжат. Еще-Не-Осознаваемое лежит, как и Уже-Не-Осознаваемое, за порогом сознания, но поскольку оно имеет характер *предсознательного*, то лучше, считает Блох, уточнить, что оно находится не за порогом, а за дверью, которую мы открываем в юности, в творческой работе, в периоды социально-исторических перемен.

Итак, согласно Блоху, Еще-Не-Осознаваемое может проявляться в трех различных формах. Первая — юность, “зеленое время”, более чем наполовину состоящее из Еще-Не-Осознаваемого. Перед взором молодых людей находится нечто теплое, светлое, утешительное, мерцающее где-то впереди: “Юность и движение вперед — синонимы”⁹. Вторая — поворотные пункты истории, которые являются временами молодости как преддверие восходящего общества. Лучший пример тому Ренессанс, где при переходе от феодального к современному буржуазному обществу особенно были заметны порывы и ожидания, осознанные предчувствия. Все поворотные пункты наполнены и переполнены Еще-Не-Осознаваемым. Тем самым Блох подчеркивает социальный, а не только индивидуальный характер этого феномена. Третья форма —

духовная продуктивность, творчество. Это “работоспособное предчувствие” и воплощается в Пред-Явлении (Vor-Schein) Нового в науке, религии, искусстве. Еще-Не-Осознаваемое является смутным, брезжущим, туманным, что нельзя, однако, считать недостатком данного полюса сознания. Оно является таковым, ибо оно есть психическая репрезентация Нового, Еще-Не-Ставшего, это *предосознание* Наступающего.

3. Сопротивление Еще-Не-Осознаваемому

В чем причина вышеуказанного парадокса: наличия в мировой культуре огромного поля надежд, дневных мечтаний и почти полного отсутствия интереса к ним в истории философии? По мнению Блоха, следует проанализировать феномен сопротивления Еще-Не-Осознаваемому. З.Фрейд описал феномен вытеснения, когда в процессе психоаналитического исследования выявляется сопротивление невротика актуализации фактов прошлой жизни. Согласно же Блоху, сопротивление Еще-Не-Осознаваемому редко имеет индивидуальные невротические черты, оно существует скорее не в субъекте, а в предмете.

Первое препятствие здесь — это исторические, а точнее, социальные барьеры. Существуют определенные “социально-экономические рамки зрения”, и даже самый отважный дух их не перепрыгнет. Греческие математики, по Блоху, не поняли бы дифференциального исчисления, так как для этого еще не было соответствующих социальных предпосылок. Налицо диспропорция воли и силы: воля стремится к новому, но из-за общественных условий для достижения результата нет силы. Особенно это касается теории Еще-Не-Осознаваемого, возникновение которой, согласно Блоху, возможно только во времена революций. Для нормального же позднебуржуазного сознания барьер перед Еще-Не-Осознаваемым малопреодолим. Но это сопротивление все же преодолевается смелостью познания.

Второе препятствие на пути Еще-Не-Осознаваемого — это анамнесис (припоминание) и построение будущего на этой основе. Неподлинное будущее — это то, что возникает в цикле повседневного

существования (“постель, ждущая нас вечером”). Согласно Блоху, у всех больших пророков — от сивилл до Нострадамуса — при предсказании будущего находилось слово, выходящее за пределы известных данностей. Но это лишь новое слово, в котором скрывается старое содержание. Так происходит потому, что у всех “предсказателей” мир предстает в виде круга, а будущее строится на основе предположения о совершенстве в начале.

Наиболее глубокое низвержение Еще-Не-Осознаваемого и всего связанного с ним, полагает Блох, осуществлено в философии Платона, где говорится о знании как о припоминании, другими словами, анамнесис становится основанием разумного познания. По мнению Блоха, линия Платона оказала большое влияние на дальнейшее развитие европейской философии. Плотин с идеей души как основы памяти, Фома Аквинский с учением об априорном свете разума, Декарт с врожденной идеей бога в виде знания-воспоминания, Лейбниц с его защитой априорного познания, Кант с идеей априорного разума — все это лишь развитие основ, заложенных Платоном.

Априорность и основанное на ней познание — вот те инструменты, с помощью которого дискриминируется и маскируется проблема Нового, Будущего. Однако Блох критикует не столько идею априорности, сколько обусловленное ею отношение к бытию, понимаемому только как давно ставшее и застывшее. Сущность (Wesen) есть Былое, Свершившееся (Ge-wesenheit) — вот основной тезис платоновской и последующих философий, который Блох не может принять. Он задается вопросом: почему социальные, технические и прочие утопии от Мора, Бэкона до Фихте не привели к созданию психологии и теории познания дневных мечтаний, Еще-Не-Осознаваемого? Проблема заключается не в каком-то недоверии к будущему, а во влиянии на философию статической жизни и статического образа мышления. Вера и сознание поднимавшегося бюргерства мало отошли от понятия готового, predeterminedного мира. Продолжающая влиять феодальная статика нивелировала понятие Нового¹⁰. Блох выступает не против воспоминания вообще, он против жесткой дихотомии прошлого и настоящего, используемой романтической идеологией.

Воспоминание должно выполнять функцию предостережения, а действительно Новое связано с надеждой как Сознанием. Сознание означает постоянное удерживание в сознании гештальта неконструируемого вопроса — Для Чего? Еще-Не-Осознаваемое должно стать по своему акту осознанным, по своему содержанию — известным. Здесь достигнут пункт, когда надежда — аффект ожидания — выступает уже не просто как душевное переживание, а осознанно-известно. Эта осознанность-известность проявляется прежде всего в дневных мечтах, которые должны быть соответствующим образом проанализированы. В связи с этим можно говорить о концепции Блоха как о “герменевтике дневных мечтаний”, ибо он описал и проинтерпретировал огромное количество мечтаний, свойственных различным индивидам и социальным группам¹¹.

4. Еще-Не-Бытие как объективный коррелят Еще-Не-Осознаваемого

Если бы Блох ограничился характеристикой Еще-Не-Осознаваемого, надежд и “вперед-мечтаний” как способа существования отдельного индивида, то это выглядело бы интересной полемикой с З.Фрейдом, блестящим литературным описанием данного феномена и оставалось бы в сфере некоей субъективной философии. Задача же Блоха состояла в том, чтобы показать объективную обусловленность Еще-Не-Осознаваемого, его укорененность в самом Бытии. Это позволило ему противостоять платоновской традиции, дать онтологическую легитимацию Еще-Не-Осознаваемого и тем самым выдвинуть альтернативу господствующей традиции европейской философской культуры.

Блох предлагает свой вариант онтологической картины мира — концепцию Еще-Не-Бытия, или “теорию возможности”. Делает он это с помощью собственных оригинальных понятий, призванных, по его мнению, отразить вероятностный и динамический характер этого мира¹².

Характеристика глубинных оснований человеческого существования — это онтология Еще-Не-Бытия. Все предыдущие описания аффектов и мечтаний как проявлений Еще-Не-Осознаваемого

приобретают в ей новую глубину и получают новое обозначение. Синонимом голода, побуждения, движения становится категория “Не” (Nicht). Не — это нехватка чего-либо и бегство из этой нехватки. Не — это побуждение к тому, что отсутствует. Посредством Не отражается весь комплекс побуждений живого существа: интендирование, желание, инстинкт, потребность, воля, дневная мечта. Но одновременно Не характеризует динамическую сущность любого материального предмета и явления. Любое Нечто начинается с Не. Это “неуспокоенное отрицание”, недовольство Ставшим.

Не находится в процессе — это всегда Еще-Не: “Еще-Не — это действительно вспыхнувшее, открытое миру начало всего, что образуется и образовано”¹³. Еще-Не — это универсальная характеристика мира, действующая применительно как к материи, так и к человеку. Применительно к материи Еще-Не проявляется как Еще-Не-Ставшие реальные возможности, как начало, стремящееся к манифестированию своего содержания¹⁴. При этом процесс развития — борьба между Ничто и Все, исход которой трудно предсказать. Поэтому мир — всегда тенденция, а не закон, это Еще-Не-Бытие.

В соответствии с такой трактовкой бытия меняется и трактовка материи. Материя — это “По-Возможности-Сущее” и “В-Возможности-Сущее”. Неготовое, несовершенное и незавершенное бытие стремится реализовать свою сущность. Материя, по мысли Блоха, направлена вперед, и потому можно говорить о существовании тесной связи между материей и утопией. Последняя является неотъемлемой тенденцией развития материи (Блох говорит о дуге “утопия — материя”). Поэтому и воззрения Блоха в этой области можно назвать “утопическим материализмом”¹⁵.

Согласно Блоху, сам мир всегда утопичен в том смысле, что он является экспериментом (“Experimentum mundi”). В нем постоянно присутствуют риск, неизвестность, и любой исторический процесс, любая попытка осуществления тех или иных мечтаний, надежд, утопий ведут или к Ничто, или к Все (Alles). Однако мир (природа) не может развиваться сам по себе, он делает это только с помощью человека. Именно человек раскрывает содержащиеся в нем скрытые объективно-реальные возможности — латенции. Так утверждается утопическое — в смысле открытости и направленно-

сти вперед — единство природы и человека, а утопия перестает быть субъективным принципом сознания и становится онтологически укорененной в самой структуре бытия.

5. Вместо заключения

Выводы Блоха, касающиеся утопии, противоположны положениям Ф. Энгельса, изложенным в его каноническом труде “Развитие социализма от утопии к науке”. Позиция Блоха означает, что наука не обладает монопольным преимуществом в поиске и определении путей в будущее. Повседневное мечтание является неотъемлемой частью существования и деятельности человека и потому не может подвергаться идеологической, методологической и познавательной дискриминации. Сфера утопического должна пониматься, во-первых, позитивно, а во-вторых, она должна быть расширена, а не сужена¹⁶.

Более того, на наш взгляд, Блох двигался в том же направлении, что и Э. Гуссерль. В данном случае это означает, что науку не следует противопоставлять утопии, скорее они должны сближаться с ней. То есть в повседневном жизненном мире нужно найти основания и акты познания, на которые опирается и с которыми связано научное познание. Но если у Гуссерля речь шла об операциях, связанных, например, с упорядочением уже имеющегося (операция типизации), то у Блоха ставится проблема предсказания, предвосхищения будущего, создания Нового. Здесь возникает вопрос о предшествовании, сосуществовании, взаимодействии утопии с наукой.

Наконец, укажем на то обстоятельство, что, исходя из данной позиции, возможно создание некоей модели “человека мечтающего”, позволяющей по-иному взглянуть на многие общественно-политические процессы, происходившие в нашей стране. Если отвлечься от идеологических оценок, то вся история СССР — это своеобразная история коллективных и индивидуальных попыток воплощения надежд, их крушения и воскрешения в новых формах. В этом смысле советской “истории надежд” должна соответствовать и их историческая социология, которая на сегодняшний день отсутствует. Между тем именно такая социоло-

логия надежды могла бы выявить новые смысловые оттенки в социальной, политической и культурной истории России в XX веке и, возможно, тем самым дать определенную легитимацию ее исторического своеобразия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Fr.a.M., 1985. S.5.

² Ibidem.

³ Ibid. S.1.

⁴ Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург, 1997. С.53.

⁵ Riedel M. Tradition und Utopie. Ernst Blochs Philosophie im Licht unsrer geschichtlichen Denkerfahrung. Fr.a.M., 1994. S.225.

⁶ В оригинале “Nicht-Haben”. Из двух возможных вариантов перевода отглагольного существительного Haben — обладание и имение — мы выбрали второй вариант, звучащий несколько непривычно. Однако традиционный перевод данного понятия как “обладание” связан с установившейся смысловой традицией понимания и усиливает момент властности, определенности и конкретности. Напротив, термин “имение” является более эмоционально-нейтральным, позволяет подчеркнуть момент естественной стихийности и некоего состояния.

⁷ Bloch E. Philosophische Aufsätze zur objektiven Phantasie. Fr.a.M., 1985. S.74.

⁸ Здесь, как и во многих других случаях, перед переводчиком встает задача адекватной передачи смысла выражения. С одной стороны, “Noch-Nicht-Bewusste” можно перевести в противоположность фрейдовскому “Nicht-mehr-Bewusste” (“Уже-Не-Осознанное”) как “Еще-Не-Осознанное”. Однако поскольку Блох делает упор на процессуальный момент, то деепричастие несовершенного вида “Еще-Не-Осознаваемое” позволяет лучше передать момент динамики — ибо в “Уже-Не-Осознанном” заметен момент завершенности, связанности. Таким образом, формулируя дихотомию “Уже-Не-Осознанное” — “Еще-Не-Осознаваемое”, мы тем самым отходим от буквального перевода и прямого противопоставления, но уси-

ливаем момент столкновения различных моделей сознания — статической и динамической...

⁹ Bloch E. *Das Prinzip Hoffnung*. Bd.1. S.133.

¹⁰ Влияние мировоззренческой статики широко проявилось во времена “перестройки” в СССР, когда пафос демократических и прочих преобразований сводился к поиску и выявлению где-то уже имеющегося, но скрытого от общественности рецепта переустройства социальной жизни: или в различных социальных институтах Запада, или в дореволюционной России, или в комбинации того и другого. Главное направление поисков в массовом сознании было связано с обнаружением *уже* существующего или существовавшего. Наиболее яркое проявление статичного постсоветского консервативного мышления — бесконечные лозунги и организации, содержащие в своем названии термин “возрождение”. Требование возрождения того, что давно исчезло и в прежней форме невозстановимо, — таковы своеобразные плоды платонизма на постсоветской почве. И это еще один повод для серьезного отношения к концепции Блоха как инструменту, способному помочь поставить правильный диагноз обществу, находящемуся в процессе трансформации и модернизации.

¹¹ См., например: Bloch E. *Spuren*. Fr.a.M., 1985.

¹² Один из главных акцентов философствования Блоха — в его принципиальной асистемности и антистатичности, хотя сам он иногда говорит о своей концепции как об “открытой системе”. Многие понятия предшествующей философии — система, субстанция, сущность и т.д. — выглядят для Блоха слишком тяжелыми и закрытыми. Чтобы изменить данную ситуацию, сделать категории более динамичными и гибкими, он начинает использовать наречия, прилагательные и другие части речи. В этом аспекте, конечно, самым ярким примером является категория “Не”.

¹³ Bloch E. *Das Prinzip Hoffnung*. Bd.1. S.360.

¹⁴ Блох выделяет “слои категории возможности”: 1) “формально Возможное”; 2) “предметно-объективно Возможное”; 3) “предметно-соразмерно объекту Возможное”; 4) “объективно-реально Возможное”. См.: Bloch E. *Das Prinzip Hoffnung*. Bd.1. S.258—288. Кроме того, выделяются категории “возможности начала”, “попутной (Unterwegs) возможности”, “возможности конца”. См.: Bloch E. *Experimentum Mundi*. Fr.a.M., 1975. S.256.

¹⁵ См.: Braun E. *Grundrisse einer besseren Welt. Beitrage zur politischen Philosophie der Hoffnung*. Moessingen; Talheim, 1997. S.75.

¹⁶ Блох призывает к более реальному анализу жизни и подчеркивает: “...социальные утопии, оставаясь надежной главной сценой для всех уто-

пических книг, действуют внутри другой, собственно утопической, области — человеческой культуры в целом... Подобным образом в течение всей жизни нас окружают утопические картины, витрины и зеркала желаний, фабрики грез и картины странствий...” // Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург, С.126.

Более того, благодаря утопии возрастает значение и некоторых феноменов, рассматриваемых обычно отдельно от нее. Блох в частности указывает: “...в утопии гуманизм достиг величия” (там же, с.127).